

Наркоманы собрались в условленном месте, чтобы попробовать новый наркотик. Наркоманы были бывалые — знали, как мягко и широко накрывает Толстой и как паршиво от него потом становится. Знали, какой забористый наркотик Кафка и как хорошо выходить, приняв Александра Дюма. Продавец опаздывал, и наркоманы нервничали: они и двух часов не могли прожить без чтения — начиналась ломка. Продавца они дождались и попробовали незнакомой дури — Достоевского... Так начинается один из новых спектаклей **Театра на Юго-Западе** «Достоевский-трип» по пьесе Владимира Сорокина, на которого худрук **Валерий Белякович** «подсел», похоже, основательно. Кроме того, со скоростью примерно один спектакль в две недели Белякович поставил к началу сезона «Трех сестер», «Калигулу» Камю, «Эмигрантов» Мрожека (о которых «ВМ» недавно писала), «Дракона» Шварца и «Чайку». Такая интенсивность объясняется не только бурным темпераментом лидера театра, но и суровой необходимостью: по прошествии двадцати с лишним лет после того, как актеры своими руками построили театр, мэр выделил деньги на ремонт. И в отремонтированную сцену не вписались многие прошлые спектакли. Пришлось заново создавать репертуар.

Ольга ФУКС

— Вас впервые и очень активно потянуло на чеховскую драматургию. Не только ведь юбилей тому причиной?

— Какой юбилей?
— 140 лет в следующем году.
— Правда? Когда мы поставили «Ревизора», мы тоже попали на юбилей. Но я не ориентируюсь на юбилей, мне просто показалось... что «пора бы нам замашнуться»...

— На Вильяма нашего Шекспира...

— Вот-вот, — на «Антоня нашего Павловича». Раньше мне драматургия Чехова казалась чересчур бытовой, статичной, какой-то тоскливой... Все спектакли, какие я видел по Чехову и в столичных театрах, и на периферии, меня мало убеждали. Почти всегда было скучно-разговорно, малопонятно, о чем-то из «той жизни»... И зачем его ставят без конца — было для меня загадкой. А между тем, помотавшись по миру, я везде наблюдал явно повышенный интерес к чеховской драматургии у тех же американцев, допустим, или японцев. Чем он их-то привлекает — это также было для меня загадкой. А загадка пришла, когда я сам все же решился на постановку «Трех сестер». Бездонный автор. Космос. Очевидно, у каждого из нас свой путь к Чехову. У меня этот путь начался только сейчас. И теперь хочу работать над всем Чеховым. Новый сезон открываем «Тремя сестрами» и «Чайкой». На очереди — «Вишневый сад».

— И о чем ваши «Три сестры»?

— Ну о чем... Нравится мне этот вопрос... Я поставил спектакль — смотрите, о чем.

— Когда Няркошус привез «Трех сестер» в Москву, нашлись такие, кто сказал, что он спектакль поставил про то, как русские уходят из Литвы...

— Ему видней. Я учился вместе с

Эмисом, у него на все свой личностный взгляд. И на Чехова, и на Гоголя. И не всегда, как говорится, наши взгляды совпадают... В нашей постановке, между прочим, персонажи тоже не вполне традиционны. Начать с того, что они наряжены в камуфляж. Жизнь теперь у нас такая — камуфлированная, что подлаешься... Не пошли у нас исторические костюмы. На сцене — роуль, намек на усадьбу, только штрих. Никакого расхожего бытовизма. Вообще до тех пор, пока у меня не продумана сценография, я к спектаклю не приступаю. Мне нужен «космос», пустое пространство и, как у Треплева, — «вид на озеро». Словом, среди «наших» постоянных авторов — Гоголя, Булгакова, Шекспира, Ионеско — Чехов, надеемся, займет достойное место.

— А Владимир Сорокин? В этом сезоне у вас премьеры по пьесе «Достоевский-трип». Это уже второй спектакль данного автора. В прошлом сезоне были «Щи». Чем он вас так увлек?

— Я стараюсь следить за современной драматургией. Много есть хороших пьес, но к нашей стилистике и к нашему театру пьесу подобрать довольно трудно — специфика «бедного» театра диктует свои условия отбора. Сорокин для нас идеален. Мне сначала его «Очередь» попала. Там вроде ничего нет — сто страниц дурацкого разговора. «Вы крайний? — Я крайний. А что дают?». И я сразу вспомнил, как однажды стоял в очереди за югославскими мужскими ботинками на каблук. Очередь сначала была вроде небольшой, но все время кто-то подходил, кто-то влезал, кого-то отодвигали, распрямляли, ограждения ставили. Периодически товар кончался, потом его опять выбрасывали. В итоге я простоял часа четыре, пронаблюдав и пережив за это время бурю чувств, по накалу просто шекспировских, и мне досталась последняя пара 43-го размера. (Правда, потом я в этих ботинках Мольера в Ги-

Вы крайний? — Я крайний. А что дают?

Екатерина ЦВЕТКОВА

Валерий Белякович

ТИСе сыграл, так что они большую службу сослужили.)

Сорокин как будто застенографировал реплики из очереди, но я обалдел, потому что за ними — живые люди. Там даже фабула есть: парень с девкой в очереди знакомятся, потом у них любовь пошла в конце, но тоже такая — механистическая, «очередная» любовь. Весь наш мир Сорокин разнимает, как патологоанатом, и показывает, что не только рассвет-закат бывает. Он ее, жизнь, заголяет и смотрит. Он действует на мои какие-то запретные, подсознательные клапаны — я даже не могу объяснить, как это меня волнует. Я всего Сорокина перечитал, только последний его роман «Голубое сало» отложил — мне отпуск нужен, чтобы все это осмыслить.

Словом, попытался я поставить «Очередь», но там фантазия богатейшая нужна, у меня пока не получилось. А потом мне «Щи» попались, где он аккумулировал и юмор, и конкретную ситуацию — страну нашу (группировки, воры в законе — «повара в законе»), и проблемы экологии, идеи «зеленых», которые могут быть и со знаком минус, если все до крайности доводить, и будущее наше. Я до слез смеялся, читая все это, хотя мне страшно было это ставить, потому что там мат, а я его не приветствую. Сорокину спектакль понравился, мне не очень. Я слишком боялся ставить при живом авторе — он внешне такой барин, эстет, хотя водку пьет нормально. Но потом оказалось, что мы все-таки одной группы крови. А «Достоевский-трип» меня увлек еще и потому, что я, снимаясь в программе «Слушается дело», столько раз сталкивался с темой наркоты! Готовясь к программе, я начитался, что у нас и каждый седьмой — наркоман, и дети с десяти лет начинают употреблять наркотики. И снова подумал — какой молодец Сорокин, если сумел написать об этом пьесу и с глубочайшей иронией, и с верой в че-

Век. Москва, 1999. 16 сент. — с. 7

Шекспировские страсти ярче всего закипают в очереди за ботинками

ловека, и с литературными играми. Игры — они для эстетов хороши. А тема... От нее же страна погибает. А показать просто, как на квартире собрались и ширяются, — никому это не нужно. Тут самое главное — люди, и неважно, наркоманы они или нет. «Приняв» Достоевского, они начинают вспоминать и рассказывать о страшных вещах — о насилии, инцесте, канибализме и т.п. Рассказывают с трудом, через боль, но приходят к очищению. Тем более что смерть все искупает. А «Очередь» я все-таки поставлю, «додавлею», чтобы триптих получился.

— Когда вы фактически одновременно работали над Чеховым

и Сорокиным, пытались ли вы как-то разводить их или, наоборот, искали общее?

— Да нет, я не пытался их ни сводить, ни разводить, моя задача проста: попытаться выявить автора средствами театра и как можно точнее, опять же через автора, выразить свою позицию и «умереть» при этом в актерах. А в смысле чего-то общего у Чехова и Сорокина? Чувство стиля, прекрасный русский язык... Время только «разводящее» — XIX и XX век.

— Вы упомянули программу «Слушается дело», благодаря которой вас теперь знают телезрители. Расскажите непосвященным, как вас вообще занесло на

телевидение, тем более — в юридическую передачу?

— Как говорил Скриб, — это все Его Величество Случай. Пришли ко мне люди и сказали, что им нужен для передачи не настоящий судья, а как бы человек из народа. Сняли несколько претендентов, в том числе и народных артистов, но — «моя шайба подошла ближе всех». А я и в суде-то никогда не был, на знаю, кто истец, кто ответчик, как вопросы задают. Толку от меня там немного, но как-то внушаю доверие, особенно в мантии и при галстуке, который обычно никогда не ношу. Ко мне после передачи подходят некоторые зрители, начинают жаловаться на жизнь, рассказывают, что вот, мол, зять бьет и что делать? Я там много нового для театра почерпнул, и не только для театра. Недавно там выступал Дмитрий Быков, корреспондент есть такой, так я был просто очарован его манерой владения устной речью.

— Он еще и поэт хороший. Вам довелось несколько раз наблюдать Жириновского, о котором уже сложилось расхожее мнение, что он хороший актер. Согласны?

— Я думаю, он был бы неплохим актером. Наблюдая его, я понимаю, что он человек глубокий. Когда ему задаете вопрос, он голову наклоняет, переваривает (видно, что у него процесс мыслительный идет), и потом выдает что-то совершенно парадоксальное. У меня к нему после съемок уважения прибавилось. Он меня уже лично знает. Ну что, говорит, Белякович, опять меня сегодня засушивать будешь?

— А что, решения присяжных имеют какой-то юридический вес?

— Нет, конечно, это просто тошнота. Но, скажем, писатель Игорь Волгин, выиграв у нас дело, связанное с авторскими правами, вдохновленный своей победой, подал иск в настоящий суд.

— Что вас сегодня больше впечатляет — потрясение от искусства или те реальные житейские ситуации, на которые вы насмотрелись и наслаивались в суде?

— Я человек, задвинутый на искусстве. Живу, как монах, трачу четыре минуты от дома до театра, тело в кресло брошу, иногда вылезу, кряхтя, чтобы показать что-то. Думаю, что все-таки явление искусства меня впечатляет больше, нежели житейские реалии. Но я признаю, что наша жизнь намного комичнее и трагичнее любого спектакля.

«Щи» — это наша бестолковая страна. (Борщ Московский — Александр Наумов, Чесночная подливка — Галина Галкина)